

ЛЕГЕНДА О ПОЭТЕ: АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ И АЛЕКСАНДР ПУШКИН

«А. Башлачев состоялся как поэт»¹. И Пушкин тоже для аудитории был и остается поэтом. Не прозаиком, не драматургом, не историком, не публицистом, — а поэтом. Уже в XIX веке сочетание «поэт Пушкин» стало чем-то вроде канцелярского штампа. Так, в Новгородской губернии в 1860 — 1861 гг. собирали деньги на памятник Пушкину в Царском Селе, и уездные чиновники в рапортах писали о направляемых пожертвованиях «на сооружение в Царском Селе в бывшем Лицейском саду поэту Александру Пушкину памятника»² (курсив мой — Ю. Д.), либо писали, что «к пожертвованию на сооружение памятника Поэту Пушкину никого не нашлось»³ (курсив мой — Ю. Д.). Нечто похожее происходит и с сочетанием «поэт Башлачев». Так, Д. М. Давыдов приводит расхожую формулу: «Башлачев — не рок-поэт, а просто поэт»⁴, а Егор Летов в песне, посвященной Б. Г., противопоставляет поэта Башлачева *непоэту* Гребенщикову:

А пока он ел и пил из стаканá,
Поэт Башлачев упал, убился из окна.

Поэт Александр Пушкин определил дальнейшее развитие русской культуры, которая «начала связывать с именем Пушкина свое будущее сразу после его смерти»⁵. И «русскую поэзию XX века невозможно представить вне самоопределения относительно Пушкина»⁶. Вместе с тем, Пушкин предопределил развитие русской культуры не только своим творчеством, но и своей судьбой. Благодаря Пушкину распространилась идея о том, что жизнь можно моделировать по законам художественного произведения, ведь для самого поэта «создание биографии было постоянным предметом столь же целенаправленных усилий, как и художественное творчество»⁷, а после Пушкина сложилось «представление о том, что в литературе самое главное — не литература, и что биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество»⁸. Такое представление и реализовал в русской рок-культуре Александр Башлачев, с чьим именем слово «поэт» соотносилось и при его жизни⁹, и после его смерти¹⁰, и который сам ощущал себя именно поэтом. В доказательство последнего

достаточно обратиться к стихам Башлачева «В чистом поле — дожди», «Верка, Надька и Любка», «Сядем рядом, ляжем ближе...», «Когда мы вдвоем», «И труд нелеп, и бестолкова праздность...», «Тесто» и особенно «На жизнь поэтов». Очевидно, что Башлачев ощущал себя преемником русской поэтической традиции, следовал за ней в своей лирике. Так, в частности, Башлачевым, как отмечает В. А. Кошелев, «использована идущая от традиций русской поэзии пушкинской эпохи мифологема, связанная именно с «дорожным», почтовым колокольчиком»¹¹. Использованы поэтом и многие другие традиции, сформировавшиеся в русской лирике после Пушкина. Однако, как и для всех крупных поэтов XX века, для Башлачева «Пушкин был один»¹². И не только как творец произведений, но и как личность. Очевидно, что для Башлачева неприменный трагический исход судьбы поэта был определен биографиями (точнее — биографическими легендами) Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Высоцкого¹³. И в плане миссии, судьбы Башлачев тоже ощущал себя Поэтом. Он сам творил свою биографию. Творил в первую очередь в стихах, ведь в создании биографической легенды «лирическим стихотворениям принадлежит роль, сравнимая только с документальными текстами»¹⁴. И поэзия Башлачева «воплощает и объясняет личность ее создателя»¹⁵.

Башлачев осознавал, что «отчасти пишет судьбу сам»¹⁶, пишет подобно тому, как творит произведение искусства:

Давай очнемся и вдвоем напишем
Трагикомический роман.

Давай придумаем сюжет,
В котором нам найдется место

.....
Итак, мы пишем наш роман.
Творим немислимое чудо...¹⁷

(«Трагикомический роман»).

И такое «жизнетворчество» опирается на авторитет Пушкина, подкрепляясь видоизмененной цитатой из его стихотворения «Герой» 1829 года.

У Башлачева:

Тьмы низких истин, как всегда, дороже
Нас возвышающий... роман (127).

У Пушкина:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...¹⁸

Очевидно, что в подтексте башлачевского стихотворения слышится пушкинское «обман», но именно этот «роман-обман» и есть та творимая поэтом-лириком биографическая легенда, которая так нужна аудитории. А Пушкин (и Поэт из его стихотворения «Герой»), таким образом, становится для Башлачева своеобразным эталоном творца собственной судьбы по законам создания литературного произведения. Жизнь стала романом и, как следствие, обманом.

История выработала два равновеликих клише пушкинского «жизненного романа». Одно из них можно обозначить, как «Пушкин-Поэт», другое — «Пушкин-человек». Первое подчеркивает трагическую сторону судьбы поэта. Лермонтов начал эту линию — и стихотворением «На смерть поэта», и реакцией аудитории на собственную смерть. Есенин и Маяковский — продолжили¹⁹. Точнее всех, пожалуй, реакцию аудитории на смерть Пушкина сформулировала Марина Цветаева: «Смерть поэта — вообще незаконна. Насильственная смерть — чудовишна. Пушкин <...> будет умирать столько раз, сколько его будут любить. В каждом любящем — заново. И в каждом любящем вечно»²⁰. И некоторые представители рок-культуры восприняли гибель Пушкина как неизбежный исход трагической судьбы поэта вообще:

А пока поодиночке к Черной речке их ведут.
И не то, чтобы отсрочки, строчки молвить не дадут.
Сей редуг вполне завиден и сулит бессмертье, но
Жизнь уходит, да обидно, видно, так заведено²¹.

(А. Градский)

Черная речка выступает в своей традиционной эмблематической функции места гибели Пушкина и неизбежно обретает семантику конца пути поэта вообще. И у Константина Арбенина этот пушкинский топоним осмысливается схожим образом — в песне «Город-стол», где петербургские топонимы соотносятся с различными кушаньями (шашлыки новостроек, петропавловское рагу, казанский крендель...), упоминается и Черная речка:

С самой горькой из настоек —
Черной речкой на снегу²².

Но есть и другое клише — «Пушкин-человек». Имя Пушкина соотносится с такими категориями как «свет и веселье», «гармония»; в массовом сознании Пушкин — «беспечный весельчак», «пьяница» (с положительной семантикой), «Пушкин может все, он бесстрашен, он весельчак, ему все нипочем»²³. И рок-культура тоже востребовала эти значения. Приведем пример из ранней рок-поэзии Юрия Шевчука:

А мы слышали, были Вы великий
Любитель баб и крепкого вина —
Так описали мир наш многоликий,
Что тащится огромная страна.
(«Памятник (Пушкину)»)

Здесь, как видим, реализуется клише «Пушкин-человек», в котором отсутствуют какие-либо указания на гибель поэта, на трагический исход его судьбы²⁴.

Оба клише («поэт» и «человек») синтезировались, за счет чего сформировалась особая биографическая легенда, в которой Пушкин оказался «амбивалентен», прочно соединив в сознании аудитории черты трагического поэта и веселого человека. В. В. Мусатов пишет: «Пушкин оказывался всякий раз парадоксален и антиномичен, как парадоксальна и антиномична сама действительность в ее иррациональной полноте для познания разума»²⁵, ведь еще «80-е годы оставили символистам культ Пушкина как синтетического явления русской культуры, как ее объединяющего символа»²⁶. Пожалуй, только Пушкину удалось создать в русской культуре биографическую легенду именно *трагикомического* поэта. И в этом ключе увидел Пушкина Башлачев в стихотворении «Петербургская свадьба»:

За окнами — салют! Царь-Пушкин в новой раме (22).

Т. Е. Логачева полагает, что здесь «пушкинское знаменитое обращение к поэту «Ты царь — живи один» редуцируется до стяжения «царь-пушки» и фамилии поэта, превратившейся в расхожую поговорку <...> Помимо этого, образ-символ «царь-Пушкин в новой раме» наталкивает на мысль о тотальной инверсии, которой подвергся образ поэта под прессом советской идеологии <...> К тому же «царь-пушка» вносит элемент «милитаризации» в образ «Солнца русской поэзии»²⁷. Можно здесь и не привлекать «советскую идеологию», ибо в этой строке в пол-

ной мере реализуется легенда о Пушкине как о царе поэтов, т.е. первом поэте, а легенда эта сложилась еще до октября 1917 г. Между тем, важно, что Башлачев не столько воспроизводит данную мифологему, сколько иронизирует над ней, осознавая «амбивалентную» природу поэта Пушкина.

Схожую «амбивалентность» можно наблюдать и в биографической легенде самого Башлачева. Уже в феврале 1988 года автор некролога развел Башлачева-поэта и Башлачева-человека: «Умер поэт. Быть может, величайший поэт нашего столетия. Русский поэт <...>, сказавший нам все, что хотел сказать — имеющий уши да услышит! — и ушедший назад, во тьму былин и преданий. Умер поэт — остановилось перо, больше не побежит по бумаге. Умер человек. Кому-то муж, кому-то собутыльник, кому-то учитель, кому-то друг. Веселый, черт возьми, приятель — лихой гуляка и непредсказуемый искатель приключений»²⁸. Из этого видно, что Башлачев-поэт воплощает трагическую часть репутации, а Башлачев-человек — часть комическую. Но сам Башлачев в своей биографической легенде не стремился разделить в себе «трагического» поэта и «комического» человека, а творил «амбивалентную» биографию, определив свой «роман» именно как **трагикомический**.

Однако аудитория сразу после смерти Башлачева восприняла лишь трагическую часть. «На Саше лежала какая-то печать трагичности»²⁹, — говорил Майк Науменко. И «многие из тех, кто близко знал Сашу, сходятся на том, что конец его был предопределен всем складом его характера, темперамента, личности»³⁰. Слава Задерий рассуждает: «Он шел по позиции максимализма. Ставил себя в состояние человека, который может в любой момент уйти <...> Он таким образом жил, наоборот, обостряя жизнь смертью»³¹. А. Житинский отметил, «что судьба трагического поэта — такое же произведение искусства, как его стихи»³². Слово «трагедия» становится в башлачевской легенде одним из ключевых. Без труда можно отыскать прямые декларации трагической судьбы поэта, которые потом были спроецированы на судьбу Башлачева, в его стихах, где судьба и поэзия неразделимы³³, высказываниях³⁴, в воспоминаниях современников³⁵. Это даже стало общим местом. При этом не принимались во внимание совершенно противоположные высказывания поэта о жизни и смерти³⁶, не учитывались и стихи комического содержания (такие, например, как

«Слет-симпозиум» или «Подвиг разведчика»), и открытая самоирония, которую, в числе прочего можно усмотреть и в стихотворении «На жизнь поэтов», где, с одной стороны, реализуются традиционные представления о трагической судьбе поэта, а с другой — эти же представления подвергаются иронии. Теперь же очевидно, что утраченный башлачевской биографической легендой на рубеже 1980 — 90-х годов комизм является важной составной частью этой легенды, сущность которой — в ее трагикомизме. И в этом поэт Башлачев как никто близок поэту Пушкину.

Итак, Пушкин положил начало трагикомической биографической легенде о поэте в русской культуре. В биографических легендах поэтов, идущих за Пушкиным (Лермонтова, Есенина, Маяковского) репродуцировался, прежде всего, трагический элемент и редуцировался (то сильнее, то слабее) элемент комический. По такому же пути первоначально создавалась и биографическая легенда поэта Башлачева, хотя сам он формировал ее по принципу тождества с пушкинской биографической легендой, т.е. с легендой трагикомической. Известно, что Пушкин и творчеством, и судьбой завершил предшествующий этап развития русской культуры и начал этап новый. То же самое можно сказать и о Башлачеве, лирика которого — «это реквием по русской классической поэзии, ориентированный на прошлый век и — конкретно — на «пушкинское» время»³⁷, и, вместе с тем, начало новой эпохи русской поэзии — может быть, эпохи постмодернизма, а может быть, чего-то совсем нового, что еще предстоит назвать и осмыслить. Такова и башлачевская биографическая легенда, возродившая и завершившая пушкинский извод легенды о поэте и положившая начало изводу новому.

После Башлачева русский рок потерял Янку Дягилеву, Виктора Цоя, Майку Науменко, Андрея Панова. И их, и некоторых ныне здравствующих рокеров (Б. Г., Егора Летова, Константина Кинчева, Юрия Шевчука) порой называют поэтами, но эти наименования редки и случайны. Лишь за Башлачевым в русской рок-культуре прочно закрепился титул русского Поэта, т.е. Башлачев воплотил и вывел на новый этап пушкинскую легенду о поэте, редуцированную последователями Пушкина. Тем самым «амбивалентная» биографическая легенда, созданная в русской культуре Пушкиным и реанимированная Башлачевым, обрела новую жизнь в русском роке. Так, трагикомический элемент воплотился

в биографических легендах Майка Науменко и Андрея Панова.

И вместе с тем, Башлачев положил начало новому типу биографической легенды — легенды о *герое*, ведь в наше время «на смену поэту приходит киноактер, в случае молодежной культуры — рок-музыкант <...> Биография художника мифологизируется <...> В массовой культуре часто теряется ощущение, что важнее — собственно творчество или личность артиста»³⁸. Такой тип легенды в полной мере реализовал Виктор Цой, погибший через два с половиной года после Башлачева.

Мы же подведем итог всему вышесказанному строфой из стихотворения «Контрабандист» 1999 года молодого представителя русского рока Константина Арбенина:

До февраля — скучаю, как могу.
Терплю, не слыша отклика кукушки.
И вижу тени — Башлачев и Пушкин
Ждут третьего на меченом снегу...
(...то был не я...) ³⁹.

Очевидно, что в этой строфе Пушкина и Башлачева объединяет не только февраль — месяц гибели того и другого, не только знаковый мотив крови на снегу, не только одинаковое имя Александр, легко читаемое в подтексте... Арбенин поставил рядом двух русских Поэтов, завершивших предшествующие им этапы культурного развития и начавших этапы новые, воплотивших «амбивалентную», сочетающую трагизм и смех, легенду о Поэте в России. А то, что они ждут третьего... Так лет через сто пятьдесят такой третий, может, и появится.

¹ Кошелев В., Чернов А. «Мы строили замок...» // Воскресное приложение к газете «Речь». Февраль. 1991. С. 2.

² Государственный Архив Новгородской области. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2219. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Давыдов Д. М. Статус автора в русской рок-культуре // Русская рок-Поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 16.

⁵ Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998. С. 13.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 371.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Ср.: Наталья Науменко: «Знала <...>, что <...> Саша Башлачев — поэт, а не текстовик» (Майк: право на рок. [Майк из группы «Зоопарк»]. Тверь, 1996. С. 271); Артем Троицкий (его слова приводит Ю. Шевчук): «Он такой гениальный, прекрасный поэт» (Юрий Шевчук об Александре Башлачеве // Бубенцы. № 2. 1993. С. 5); Юрий Шевчук: «Это фантастика! Настоящий поэт!» (Цит. по: *Харитонов Н.* Империя ДДТ. М., 1998. С. 80)).

¹⁰ Ср.: Ольга Никитина: «Он был настоящим Поэтом» (*Никитина О.* Поэты идут до конца // Черный кот. 1993. № 6 (46). Февраль. С. 3); Александр Житинский: «Башлачев — поэт, а не историк и философ» (*Житинский А.* Семь кругов беспоконного лада // Башлачев А. Посошок. Л., 1990. С. 5); Илья Смирнов: «Он был поэт — этим и интересен» (*Смирнов И.* Время колокольчиков, или Жизнь и смерть русского рока. М., 1994. С. 232) и др.

¹¹ *Кошелев В. А.* «Время колокольчиков»: литературная история символа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь, 2000.

¹² *Мусатов В. В.* Указ. соч. С. 7.

¹³ Заметим, что и Лермонтов, и Есенин, и Маяковский, и Высоцкий шли в своих биографических легендах вслед за Пушкиным и аудиторией воспринимались соответствующим образом.

¹⁴ *Магомедова Д. М.* Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: Дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1998. С. 3.

¹⁵ *Кошелев В., Чернов А.* Указ. соч. С. 2.

¹⁶ *Житинский А.* Указ. соч. С. 8.

¹⁷ *Александр Башлачев.* Стихи. [М.], 1997. С. 127-128. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

¹⁸ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1991. Т. 2. С. 192.

¹⁹ «Титул «великого национального поэта» и гроб, трижды обнесенный вокруг памятника Пушкину, были свидетельством того, что он <Есенин. — Ю. Д.> все-таки «сподобился» пушкинской судьбе» (*Мусатов В. В.* Указ. соч. С. 132); «В «Разговоре с фининспектором о поэзии» труд поэта утверждался родственным любому другому труду, но он оказывался тем не менее чем-то особым в силу своей изначальной гибельности» (Там же. С. 159); «Его <Маяковского. — Ю. Д.> самоубийство завершило и исчерпало жизнетворческую линию развития русской поэзии, а его судьба была во многом этой жизнетворческой логикой предопределена» (Там же. С. 162).

²⁰ Цит. по: *Левкович Я. Л.* Кольчуга Дантеса // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 267.

²¹ Альтернатива: Опыт антологии рок-поэзии. М., 1991. С. 53.

²² *Арбенин К.* Транзитная пуля: 44 текста песен группы ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ. [СПб.], 1997. С. 54.

²³ *Засидуллина М. В.* Пушкин и Достоевский как народные герои (к вопросу о массовом восприятии личности и судьбы гения) // Вестн. Челябинского ун-та. Сер. 2. 1999. № 1.

²⁴ В этой связи важно, что для своей финальной сентенции Шевчук, пытаясь найти «золотую середину» между Пушкиным позитивно-идеальным и Пушкиным позитивно-вульгарным, выбирает цитату из ранней песни А. Макаревича:

А на скамейке рядом молодой
Лохматый тип цитирует куплет
О том, что куклы так похожи на людей, ха-ха!

Тут я подумал: «Может быть и Вы
Похожи на живого человека» (курсив мой — Ю. Д.).

Пушкин не сброшен с пьедестала, но миф о бронзовом Пушкине подвергнут сомнению.

²⁵ Мусатов В. В. Указ. соч. С. 33.

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ Логачева Т. Е. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука — новая глава Петербургского текста русской литературы // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998. С. 61.

²⁸ Рекламно-информационное обозрение (РИО). № 2 (18). Февраль, 1988.

²⁹ Майк: Право на рок. С. 221.

³⁰ Житинский А. Указ. соч. С. 8.

³¹ Пилипенко Галина. Под развесистым кустом конопли // Ура Бум-Бум. 1993. № 10. С. 33.

³² Житинский А. Указ. соч. С. 8.

³³ На Второй Мировой поэзии
Призван годным и рядовым.
(«В чистом поле ²⁷ дожди», 39)

Муку́ через му́ку поэты рифмуют
(«Верка, Надька, Любка», 43)

Пойми — ты простишь
Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума,
Побегу по бумаге я.
Этот путь длиною в строку, да строка коротка.
(«Когда мы вдвоем», 109)

Так значит жить и ловить это Слово упрямо,
Душой не кривить перед каждой ямой,
И гнать себя дальше — все прямо да прямо,
Да прямо — в великую печь!
(«Тесто», 34)

Особенно — стихотворение «На жизнь поэтов», завершающееся строками:

Короткую жизнь — Семь кругов беспокойного лада —
Поэты идут. И уходят от нас на восьмой.
(«На жизнь поэтов», 90)

³⁴ Башлачев в интервью говорил: «в конце жизни каждый уничтожает себя как предрассудок» (Фрагмент интервью, данного А. Башлачевым весной 1986 года Б. Юхананову и А. Шипенко для спектакля «Наблюдатель» // Башлачев Александр. Стихи. [М.], 1997. С. 156.); «я у жизни в гостях» (Там же. С. 157.). Еще более показательный пример: «Башлачев объяснял, что каждому человеку отпущена определенная доля творчества, которую он получает в течение всей жизни по чуть-чуть. Но если человек очень захочет и очень попросит, то все это ему будет выдано сразу. «Я попросил», — говорил он, не указывая у кого и как» (Кушниц А. Александр Башлачев. Вечный пост (1986) // FUZZ. 1998. № 1-2. С. 38). Очевидно, что в этом случае мифологическая интерпретация идет по пути, известному еще Гете. А за великое знание, как известно, надо платить, платить жизнью.

³⁵ Так, «Федор Чистяков припомнил <...>, что накануне самоубийства Башла-

чев на даче в Комарове ел галюциногенные грибы и говорил Чистякову о невесте, которая ждет его на небесах...» (*Пилипенко Галина*. Указ. соч. С. 34.)

³⁶ «Жизнь так прекрасна, жизнь так велика, что ее никто никогда не выговорит» (Фрагмент интервью, данного А. Башлачевым весной 1986 года Б. Юхананову и А. Шипенко для спектакля «Наблюдатель». С. 153.); «когда человек скажет: «Ты спел, и мне хочется жить», — мне после этого тоже хочется жить. А вот когда человек говорит: «Мне не хочется жить», — я бессилён» (Там же. С. 165).

³⁷ *Кошелев В. А.* Указ. соч.

³⁸ *Сурова О.* «Самовитое слово» Дмитрия Ревякина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 320.

³⁹ Цит. по вкладке к кассете 1999 года «Возвращение именных вещей» группы «Зимовье Зверей».

Б. Ф. Егоров (Санкт-Петербург)

ИЗ РАННИХ СТРУКТУРАЛИСТСКИХ ШТУДИЙ (анализ поэмы А. Блока «Двенадцать»)

Зараженный ранними методологическими и методическими поисками Ю. М. Лотмана в области структурализма и семиотики, я в своих семинарских занятиях на филфаке ЛГУ (1962 — 1968) и на отделении русского языка и литературы Герценовского пединститута (1968 — 1978) энергично внедрял в студенческую среду структуралистский метод. Во второй половине 1960-х гг. я не менее энергично писал книгу «Кибернетика и литературоведение», которую сперва хотел издать в академической «Науке» под эгидой Комиссии комплексного изучения художественного творчества, созданной Б. С. Мейлахом. Он желал быть «впереди прогресса», очень хотел рекламировать новейшие достижения мировой гуманитарной мысли, но в *то* же время оказался крайне осторожным, боязливым: как бы его и его окружение не обвинили в идеализме, в антимарксизме, поэтому, будучи первым рецензентом и редактором моей книги, сопроводил текст таким обилием оговорок и партийных лозунгов, что я решительно отказался от всех добавок, а он отказался утверждать книгу без них. Потом я пытался, усилив популярность изложения, издать книгу в «Просвещении» как учебное пособие, но и здесь тоже ничего не вышло: книгу послали на рецензию к академику А. С. Бушмину, а он ее зарезал... Так и осталась у меня от тех лет рукопись (дата последнего варианта — 1972 г.).

Предлагаю читателю отрывок из четвертой главы («Художест-